
A watercolor illustration of a man in a dark, heavy coat, possibly a trench coat, looking down and to the left. The background is a mix of blue, green, and purple washes, with some white and grey tones. The style is expressive and somewhat somber.

СЕРГЕЙ
ГУСЕВ

ЭПИТАФИЯ

18+

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДАРЬИ ЧЕРКАШИНОЙ

Сергей Гусев

Эпитафия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54977030

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06279-5

Аннотация

Определённой породе людей тяжело найти близких по духу как в своём окружении, так и среди авторов. Мне было тяжело. Я надеюсь, что во время чтения кто-нибудь с облегчением скажет про себя: «Я не один». Отдельное спасибо за обложку и иллюстрации неподражаемой Дарье Черкашиной и её паблику "пляшущие тени".

Часто слышал, как люди говорят, что «жизнь дана». При этом говорящий забывает, как много при этом было отнято как у него самого, так и у его собеседника.

Жизнь не знает причин, поэтому ограничивается оправданиями.

Подавляющее большинство причин жить, которые обычно приводятся в пример, являются лучшими причинами эту жизнь покинуть.

Ошибка формулировки «memento mori» в том, что нужно не помнить о смерти, а не забывать о ней.

Разочарование отрезвляет таким образом, что опьянения начинаешь искать с двойным усилием.

Бога может извинить только безумие.

Беспочвенная тревога, внезапно охватывающая всё тело – единственное чувство, не нуждающееся в объяснении.

Есть множество способов доказать, что жизнь того стоит, и все придуманы садистами.

Страдания мира всегда перевешивают удовольствия, как наши пороки всегда перевешивают наши добродетели. Что делать с этим? Жить, тем более что у нас так хорошо получается.

Дереализация, ангедония, меланхолия – все эти слова составили бы отличные женские имена.

Он сказал, что самоубийство – не настоящая смерть, потому что это смерть, созданная самой жизнью, тогда как смерть должна демонстрировать свою власть, пожиная эту самую жизнь. Пожалуй, это самый оригинальный аргумент против самоубийства, который мне доводилось встречать.

Любовь членов семьи друг к другу в конце концов оказывается лишь привычкой, подпитываемой взаимным страхом одиночества.

Дереализация демонстрирует ценность ощущения реальности, бессонница – ценность сна, одиночество – ценность общения, но смерть способна лишь разочаровать в любой

ценности.

«Невозможно прочитать и строку Клейста, не вспоминая, что он покончил с собой». Таким же образом невозможно прочитать афоризм Чорана, не вспоминая, что он этого не сделал.

С каких пор слово «бесчеловечность» стало иметь негативный окрас?

Музыка – это запах трансцендентного.

Кому-то не удаётся представить себя мёртвым, мне не удаётся представить себя живым.

Умение признавать свои ошибки и смеяться над собой ставит человека по крайней мере выше Творца.

Каждый человек, посчитав все прощания и приветствия, поймёт, что слышал как минимум на одно прощание больше.

Моя цель – поиск самой глубокой бездны.

Очень эгоистично с нашей стороны рассчитывать, что на других планетах есть жизнь, как и им рассчитывать, что жизнь есть на Земле.

Исторический опыт – лучшая демонстрация человеческой природы. Каждое поколение вносит свой вклад в упрямяство.

Нигилист – тот, кто в пучине небытия разглядел родину.

В античность истина была связана с добродетелью, теперь – с безумием.

Признак утраты смысла – все вопросы становятся риторическими.

Ценить только мысли, способные повлиять на физическое состояние: от эйфории до тошноты, от экстаза до бессонницы, от восторга до ужаса.

Усталость, независимая от организма, духовное изнеможение, кострище вместо души.

Первые слова любого человека должны быть: «Я за себя не отвечаю».

В трудовых лагерях одним из издевательств было заставлять заключённых заниматься заведомо бессмысленным трудом. Не думал, что пытка может быть метафизическим утверждением.

Банальные мысли в книгах напоминают о человечности автора. Читатель и автор имели равные шансы написать произведение, просто кому-то из них не повезло ещё и оказаться талантливым.

Я уже выбрал слова для описания своего мировоззрения, но никак не наберусь сил расставить знаки пунктуации.

Сдержанность в литературе имеет то же преимущество перед эпатажем, какое имеет честная женщина перед проституткой. Тысяча кричащих восклицательных знаков не сможет задеть также сильно, как молчаливая и единственная точка.

Мы выбираем только между провалом и иллюзией.

Я бы никогда не заинтересовался философией, если бы наука могла ответить на вопрос «зачем?».

Каждое дыхание, каждое сердцебиение, каждый шаг – это утверждение жизни. Единственный способ опровергнуть все свои утверждения – покончить с собой.

Розанов пишет, что книгопечатание сделало любовь невозможной. Интернет сделал невозможной жизнь.

Одного женского взгляда достаточно, чтобы я влюбился. Одного произнесённого слова достаточно, чтобы я разоча-

ровался.

Бессмысленность недостаточно просто понять, её необходимо почувствовать. Займитесь каким-нибудь скучным и бесполезным делом, и вы получите лучшую метафору жизни.

Не объяснять злобой то, что можно объяснить глупостью.
Не объяснять любовью то, что можно объяснить страхом.

Жить невозможно, но всё-таки недостаточно невозможно.

Мама родила меня только на десятом месяце беременности с помощью препаратов, которые применяются в случаях задержки. Прирождённый домосед. Будто ещё в утробе я знал, что ждёт меня по ту её сторону.

«Жизнь даже не бессмысленна». Потому что говорить, что жизнь бессмысленна, значит уже говорить о ней больше, чем она того заслуживает.

У России с Богом всегда были особые отношения. Если бы я был иностранцем, наверняка бы думал: «Эти русские знают что-то о Боге, чего не знает никто другой. Должно быть, оттого они так редко улыбаются».

Первостепенная задача писателя – быть неизвестным. Это единственный способ сохранить писательское достоинство.

Чувство богооставленности сравнимо с бессонницей – чем больше к этому привыкаешь, тем хуже становится от понимания, что к этому привык.

Лейбниц утверждал, что у славянских народов не может быть серьёзной философии из-за отсутствия связки «быть», как в других европейских языках. Он не подозревал, что эти народы смогут этим воспользоваться и родить религиозную философию совершенно иного порядка.

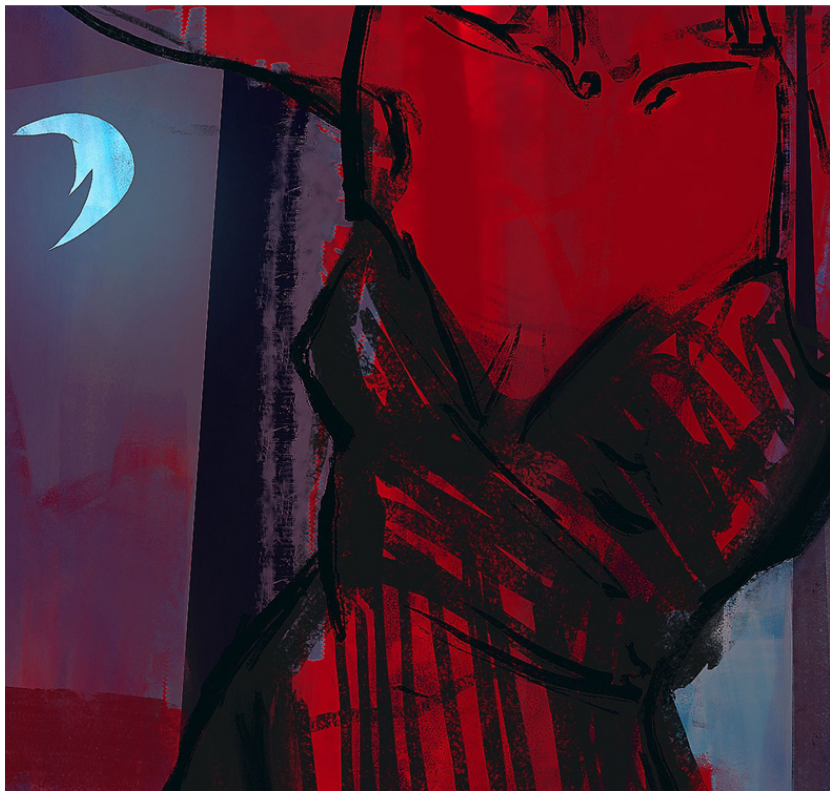
Очень противоречиво неверующему черпать вдохновение в образе Христа. Но где, если не в нём?

Тишину легко принять, молчание – невозможно.

По страницам общемировой истории можно отследить настроение Бога. Похоже, что Он в депрессии.

Хорошая, но мёртвая литература похожа на труп прекрасной девушки: её ещё можно любоваться, но её уже нельзя полюбить.

Понятие художественной ценности будто бы толкает предъявить противоположному полку же критерий, который предъявляется музыке картине. Девушка-мрамор, девушка-скрипка, девушка-портрет. Искусство и девушек род катарсис.

Как можно понять вымышленность самой концепции времени и продолжить пользоваться часами?

Величайшая сила моего характера: никто не заденет меня так, как я задену сам себя.

Андрееву удалось перенести взгляд Елеазара на свои фотографии. Репину удалось изобразить его удивительно безмятежным. Художник жалеет людей, писатель – никогда.

В полной уверенности, что «Логико-философский трактат» станет последней книгой по философии вообще, Витгенштейн бросил философию и стал заниматься другими вещами. Уверенность, достойная управлять империями.

Я был влюблён два раза: у одной была харизма и мелодичность гитары, у другой – грациозность и нежность скрипки. Обе фальшивили.

Селин всё-таки честнее Буковски. Бардаму – настоящая сволочь, Чинаски ещё носит налёт романтики на внутренней

стороне того камня, что заменяет ему сердце. Бардамю носил бы там заначку.

Завидую верующим паломникам. Единственно возможное паломничество для меня – Рашинари и Латинский квартал Парижа.

Жизнь для меня существует только в оппозиции к самоубийству. Только желание покончить с собой может вызвать желание жить.

Ошибочно думать, что при жизни мы избавлены от своего отсутствия. Оно сидит в нас и ждёт своего часа. Мы никогда не были живы, только недостаточно мертвы.

История цивилизации, или «Как одомашнить двуногий скот».

Курить ночи напролёт, слушать дыхание спящих панельных домов и думать обо всём на свете. В такие моменты жизнь себя искупает.

Некоторые люди рождены, чтобы принести себя в жертву, и вся их жизнь сводится к поиску подходящего церемониального ножа.

Думать о своей жизни только с точки зрения старика на смертном одре. Только так можно понять о чём будешь жалеть, а о чём будешь вспоминать с весёлой улыбкой.

– Оказавшись перед Богом, что вы Ему скажете?

– Я за Тебя не голосовал.

Декаданс никогда не начинался и не заканчивался. Дух Бодлера вышел из пещеры вместе с человечеством. Сейчас он, должно быть, регулярно посещает имиджборды.

С лёгкостью переносу ругательства в свой адрес, но ненавижу комплименты. Ругань говорит больше о говорящем, чем о её жертве, но комплименты задевают именно осознанием своей ложности, даже если они заслужены и правдивы.

Подписан на несколько пабликов со страницами умерших людей. В «Фаталисте» Лермонтов утверждал, что у человека, которого судьба приговорила к смерти, будто бы появляется какая-то метка на лице. Я долго бороздил фотографии на страницах умерших в поисках этой метки, но ничего не нашёл и разочаровался. Страшное осознание пришло потом: эту метку носят все.

Единственный по-настоящему рациональный поступок – самоубийство.

Из всех мыслей, которые я съедаю, я запоминаю только те, которыми давлюсь.

За те 33 года, что Иисус провёл на земле, он понял больше, чем его Отец за всё своё вечное и преисполненное бесконечным знанием существование.

Если бы я был насекомым, то непременно мотыльком. Стремлюсь только к тому, что меня неминуемо убьёт.

Ёж наизнанку: все мои иголки направлены вовнутрь.

Поэзия кажется мне привлекательной экзотикой. Когда я пишу стихи, я чувствую себя также, как чувствовал себя, впервые пробуя ананас.

Смерть – великая справедливость и великая несправедливость. Но, что самое главное, ещё и великое утешение.

Лиготти хватило бы одного «Заговора...», чтобы навсегда остаться самым страшным писателем в истории. Сначала задаёшься вопросом: как можно так жить? Но он естественным образом сменяется другим, ещё более жестоким: как **вообще** можно жить?

Большинство людей аккуратно ввинчивают в жизнь, но некоторых жёстко вбивают, как гвоздь в дерево. Наверное, именно на них Бог и срывает свою злобу, сохраняя от неё других. По странной, одному Ему понятной иронии, именно люди-гвозди чувствуют жизнь острее всех остальных. Возможно, именно так Он приближает к Себе: не маня, а прогоняя, не лаская, а избивая, ведь так, в конце концов, про-

веряются верность и самоотверженность. Любой пойдёт на блаженство, но на агонию? Только те, для кого одно неотличимо от другого.

**Она постоянно предвещала себе раннюю смерть
говорила, что не доживёт до выпуска из школы
что не дотянет до окончания университета пото**

**Сначала я даже верил ей, так правдоподобно
слёзно она об этом говорила. Но она жива до с
пор, и я злорадствую. Ей не удалось отделаться
жизни так просто, как ей хотелось бы, как хотел
бы всем нам.**

Ницше был снисходителен, когда сказал, что мир может иметь только эстетическую ценность. Но всё же он прав. Полотно безжалостного художника, в равной степени прекрасное и невыносимое.

Существует два типа людей: смирившиеся и слепые. Неспособные смириться уже не существуют.

Признался ей в своей бесконечной любви к Чорану. Она сказала, что он часто противоречит сам себе. Сначала я пытался понять в чём именно, ведь его работы далеки от академизма. Так и не понял, о чём она говорила, но подумал, что она может быть права. Это очень в его стиле.

Мало книг оставляют настолько же опустошающий след, как «Дорога» Маккарти. После прочтения хочется вырыть себе глубокую яму, лечь в неё и ждать.

Ницше пишет, что променял бы все веселье Запада на русскую тоску. Так вот, как эта тоска называется: «русская».

Достоевский считал, что экзистенциальное мышление бо-

лее свойственно русскому человеку. У других народов оно проявляется только во время потрясений и катастроф, но жизнь в России – уже потрясение и катастрофа. Страна-матрица, народ-мученик.

Знал ли демиург про аборты, когда отправил к Марии Гавриила с Благой Вестью?

Её существование исчерпывалось одним словом – «добродетель». Это меня поражало. Я задавался вопросом: как у неё это получается? Ответ оказался простым – она очень рано пристрастилась к алкоголю.

Сумасшествие – на удивление редкий феномен. Уверен, что человеку более чувствительному достаточно просто оглядеться вокруг, чтобы сойти с ума.

Цель: жить настолько отвратительно, чтобы даже Чёрный человек не захотел со мной разговаривать.

Нет такого замысла, который человеку не удалось бы ис-

портить.

Я был бы куда счастливее, если бы по какой-то волшебной причине не мог задавать вопросы, начинающиеся со слова «зачем».

Предпочитать – пожалуйста, но никогда не «желать».

Одиночеству я обязан одновременно лучшими и худшими моментами своей жизни. Я – свой лучший собеседник, я же свой самый непримиримый враг.

«Мир заключают с врагами, а не с друзьями». Заключают ли мир с собой? Только через посредственность.

Для принятия большинством правда должна быть дистиллирована. Лучше всего воспринимают голую правду только потенциальные отшельники.

Окурки на асфальте придают ему чувство жизни, поэтому

я всегда доношу их до урны.

Сквозь произведения Кафки сочится болезненный невро-
тизм автора. Его творчество – автобиография страдания.

Не верю в Иешуа Булгакова, но в правдивость поэмы о
Великом Инквизиторе верю больше, чем в Новый Завет.

Достоевский был готов ополчиться даже против правды,
будь она против Христа. Я готов ополчиться против правды,
будь она против Достоевского.

Язык – ровесник мыслей, поэтому он лучше всего подхо-
дит для их выражения. Но чувства во всей их полноте спо-
собна выражать только музыка.

Начинать каждое утро обращением ко всему человече-
ству: «Once more unto the breach, dear friends».

Никогда в истории человечества уже не будет такого же
захватывающего приключения, как XX век.

Читая исторические книги, тяжело поверить, что люди и

правда были настолько глупы. Куда легче поверить в это при чтении новостных заголовков.

Мы целовались: мои руки крепко сидели на её талии, её руки сжимали мою шею, а открытыми глазами мы смотрели друг на друга. Никто из нас не верил, что другой не захочет убежать. Я не верю до сих пор.

Жизнь и смерть – женщины. Ревностно соревнуясь за внимание, каждая выглядит более привлекательной только на фоне своей соперницы. Как и со своими возлюбленными, я разочаровался в них обеих.

Каждый раз уверяешь себя, что хуже уже не будет. Каждый раз зарекаешься.

«Дыру размером с Бога» невозможно залатать или хотя бы скрыть. Вот и ходишь, как дурак, дырявый.

Каждый день я улучшаю навык подрывания собственных желаний. Когда-нибудь я стану настолько хорош в этом, что заморю себя голодом, как Симона Вейль.

Как и любой другой человек, я обладаю определённым содержанием. Но то ли главы не дописаны, то ли разбросаны не в том порядке.

Чувствую себя как дома только «на вершинах отчаяния».

Дело не в «потерянном поколении», дело в тех, кто в силу своей природы теряется в любом поколении, будь то Великая Депрессия или Великое Изобилие. Они оторваны не только от своего поколения, но и от всего остального: семьи, общества, политики, высокого искусства, отношений, самих себя в конце концов. Литература для них не прихоть, а костыль.

Больше всего меня пугает искренний оптимизм. До какой степени нужно отчаяться, чтобы поверить в возможность хоть малейшего движения к лучшему?

Любому порядочному человеку стоит хоть раз посягнуть на свою жизнь. Иной депрессивный откроет в себе бесконечное жизнелюбие, иной счастливый с удивлением обнаружит, что продолжать жить ему решительно незачем.

Быть душераздирающим, как «Последняя лента Крэппа».

**Не чувствую себя
исключительным.
Только отчуждѣнным.**

Меня поразила мысль о том, что страдание – не присущее исключительно жизни свойство, а что оно существует само по себе, живое лишь способно уловить те волны, на которых страдание вещает. Я уже видел плачущее человечество, но я ещё не видел рыдающего космоса.

Бодлер дал мне исчерпывающее определение: «монах, забывший Бога».

Одиночество – странная штука. Собери одиноких вместе, и они останутся также одиноки, потому что причины, обрекшие их на одиночество, не залатывают друг друга.

Мне трудно сказать, что я не верю в Бога, потому что каждый день сталкиваюсь с его ненавистью. Достаточно один раз взглянуть на этот мир, чтобы понять – этот ребёнок не был желанным.

Жизнь берёт заложников, но не оставляет выживших. Она ведёт войну на истребление.

Отказ от веры в Бога не означает отказ от веры вообще. Остаётся множество различных конфессий: гуманизм, искусство, прогресс, справедливость, государство, народ и т.д. Отказ от веры вообще означает тотальное отречение от все-

го человеческого, но и здесь тяжело противостоять соблазну поверить в свой отказ верить.

Мы знаем слишком много. Какой-то учёный, рассуждая о нелепости религиозной веры, приводил в пример коллегу-астронома, который изучал планеты и звёзды возрастом в несколько миллионов лет, но при этом был убеждён, что Земле, согласно Библии, где-то шесть с половиной тысяч. Уверен, что это иллюстрация не столько логики религиозной, сколько логики человеческой. Неудобные для жизни вещи мозг сам вытесняет на задворки сознания, лишь бы продолжать жить как ни в чём не бывало. Как можно волноваться о чём-либо, зная о своей смерти? Или о самой концепции бесконечности? Или о космосе? Или о своей беспомощности перед лицом жизни? Достаточно лишь дать ход хотя бы одной из этих или многих других мыслей, чтобы обнаружить всю ироничную самозабвенность человека. Земле и правда далеко не шесть тысяч лет, но и жизнь далеко не так хороша или ценна, как мы привыкли о ней думать. Уверен, что этот учёный, являясь астрономом, продолжает расчёсываться. Подумать только: знать о существовании бесчисленных галактик, звёзд и планет, о непроглядной космической тьме, и несмотря на это следить за причёской.

Мечтаю о поколении, для которого слово «человек» будет оскорбительным.

Мы были едва знакомы, и она предложила мне себя. Но после её рассказов о своих проблемах я невольно принял роль проповедника. Стоит ли говорить, что до её предложения дело так и не дошло: невозможно выйти из храма и за- вернуть в бордель.

Чем больше хожу в театры, тем сильнее презираю театральную публику. Воздух так насыщается снобизмом и самодовольством, что становится невозможно дышать.

Самоубийство – непозволительная роскошь для меня. Мне ещё нужно оплакать слишком многое.

Семя мудрости возрастает только на засоленной земле. К тому же это единственное семя, способное на ней взойти, и единственная почва, из которой оно всходит.

Молодость – пора ошибок, старость – пора сожаления. Молодой, полный сожаления, стареет раньше, чем старый, но готовый для новых ошибок человек.

Писать для меня – все равно что выташнивать мысли. Это не удовольствие, это прямое следствие недомогания.

Все мы носим траур по несбывшимся мечтам и надеждам.

Для нас они куда реальнее других людей, потому что было время, и мы ими жили, утешались ими так, как не смог бы утешить нас ни один другой человек. Мы долго их консервировали, солили и перчили по вкусу, но оказалось, что это всё было зря. В конце концов так можно сказать про что угодно, от возникновения вселенной до выбора носков: «зря».

Слишком многое в жизни опирается на чудовищную предпосылку, что людям вообще хотелось бы жить. Имей они возможность оценить другие перспективы, я уверен, они бы удивились, что кто-то вообще может сознательно предпочесть рождение.

Никому не повезло не родиться. Грустно и смешно.

Моё мировоззрение – сундук с бесконечным двойным дном. Сначала я верил в Бога, потом отрёкся – следующее дно. Я верил в гуманизм, искусство, всю прочую чепуху – следующее дно. Перестал в это верить, потерял веру в ценность жизни как таковой – следующее дно. Нашёл в жизни эстетический смысл и своеобразную глубину – следующее дно. Снова перестал доверять жизни и ударился в пессимизм – следующее. Последние две фазы у меня зациклены, они дополняют друг друга, как инь-ян. К этому можно и свести всю жизнь – постоянное пробивание дна.

Больше всего в Камю меня удивляет то, что его абсурд не чёрного цвета безысходного отчаяния, а золотистого цвета алжирского солнца. И всё же его оптимизм этим же солнцем и ослеплён.

В привязанности к жизни есть что-то от мазохистской привязанности лакея к господину – он благодарен даже за розги, в первую очередь за розги.

Меня не столько раздражают религиозные фундаменталисты, сколько атеисты, не желающие разглядеть в религии ту глубину, которая ей присуща. Насмехаться над потерей Бога может кто угодно, но оплакать Его решаются жалкие единицы.

Существовать исключительно мыслями, лишь изредка позволяя себе отвлечься на жизнь.

Моя тень куда реальнее, чем я сам. Иногда мне кажется, что это она меня отбрасывает, а не наоборот.

Перед входом в квартиру чувствую физическое напряжение. Мне здесь не место: ни в квартире, ни где-либо ещё.

Я не верю тому, кто гордится своей национальностью. Ватники в России, реднеки в США, другие ура-патриоты не

поняли суть своей принадлежности к тому или иному народу. Национальность – не предмет для гордости. С национальностью можно только смириться и нести её, как крест.

Водка только потому и стала русским национальным напитком, что она непременно толкает на исповедь.

Обречённость на се НЕВЫНОСИМЫХ НА

Знаю о ненаучности психоанализа, но меня все равно к нему тянет. Меня покорила концепция Танатоса как противоположности Эроса. По прочтении об этом всё тут же встало на свои места: «Так вот оно что».

Не могу не предпочесть Есенина Маяковскому, но по двум не имеющим отношения к творчеству причинам. Во-первых, мы носим одно имя. Во-вторых, петля мне ближе, чем пистолет.

Я происхожу из своей природы в той же степени, что она происходит из меня. Мы зависимы друг от друга, мы ссоримся и миримся, как супруги. Этому внутреннему разладу я обязан всем своим творчеством, попыткой загладить вину перед самим собой.

Как можно понять другого человека? Как можно вычленишь из всего внутреннего космоса пару галактик и сказать, что понимаешь?

Она была огнём. Неудивительно, что после неё остались только тлеющие угли.

Отец процитировал мне какого-то известного актёра: «Жизнь – дорога, только у кого-то это кругосветное путеше-

ствие, а у кого-то путь до булочной». Гоголь скучал в Назарете также, как и на обычной почтовой станции в России. Дело не в расстояниях и видах, а в содержании путешественника. Для иного путь до булочной выйдет более впечатлительным и содержательным, чем для другого кругосветное путешествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.